

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕСТИТУЦИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО

Аникина Марина Сергеевна

Магистрант Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
ORCID: 0000-0002-0983-9828, e-mail: anikina97@mail.ru

В статье рассматривается проблема второстепенного положения потерпевшего в отечественном уголовном судопроизводстве. Государство не уделяет должного внимания вопросу возмещения вреда лицам, пострадавшим от преступлений. Между тем задачи наказания виновного и восстановления прав потерпевшего должны решаться параллельно. Для этого автор предлагает имплементировать в российский уголовный процесс институт медиации. Подчеркивается, что медиация в уголовном судопроизводстве не может стать равнозначной заменой уголовному преследованию. Заключение медиативного соглашения рассматривается скорее как дополнительный способ возмещения вреда потерпевшему, нежели как возможность для обвиняемого избежать наказания. Отмечается важность государственного регулирования и официального закрепления института медиации. Автор выясняет, на каких стадиях уголовного процесса и при каких условиях возможно заключение соглашения между потерпевшим и обвиняемым. Акцент делается на том, что потерпевший должен получить справедливую компенсацию вреда даже в случае невозможности такого возмещения со стороны виновного. Поэтому государству следует принимать субсидиарное участие в процессе восстановления прав потерпевших путем создания фонда поддержки лиц, пострадавших от преступлений, или разработки закона, предусматривающего соответствующие выплаты.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, потерпевший, медиация, возмещение вреда

Для цитирования: Аникина М. С. Уголовно-процессуальная реституция прав потерпевшего // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 5. С. 82–88. DOI: <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-5-82-88>.

CRIMINAL PROCEDURAL RESTITUTION OF THE VICTIM'S RIGHTS

Anikina Marina

Master student, Ural State Law University (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-0983-9828,
e-mail: anikina97@mail.ru

The article deals with the problem of the secondary position of a victim in the domestic criminal proceedings. The state does not pay due attention to the issue of compensation for harm to victims of crime. Meanwhile, the tasks of punishing a guilty and restoring the rights of a victim should be solved in parallel. To this end, the author proposes to implement the mediation institution into the Russian criminal procedure. Special attention is paid to the fact that mediation in criminal proceedings cannot become an equivalent substitute for criminal prosecution. The conclusion of a mediation agreement is an additional way to compensate a victim for harm, rather than an opportunity for an accused to avoid punishment. In this regard, the importance of state regulation and formalization of the mediation institution is emphasized. The author examines at what stages of the criminal procedure and under what conditions it is possible to conclude an agreement between a victim and an accused. It is emphasized that a victim should receive fair compensation for harm even if such

compensation from a guilty is impossible. Therefore, the state should take subsidiary participation in the restoration of the victims' rights by creating a fund to support victims of crimes or by developing a law providing for appropriate payments.

Key words: criminal proceedings, victim, mediation, compensation for harm

For citation: Anikina M. (2020) Criminal procedural restitution of the victim's rights. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 82–88, DOI: <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-5-82-88>.

Потерпевший считается «субсидиарным» участником уголовного судопроизводства. Иными словами, его наличие и участие желательны, но для достижения цели уголовного процесса необязательны¹. Исключение составляет категория дел частного обвинения, где потерпевший может не только инициировать уголовное преследование, но и прекратить его.

Несмотря на то что законодатель возложил на этого участника ряд процессуальных прав и обязанностей, степень его влияния на ход и результат уголовного преследования крайне низка. Более того, некоторые процессуальные возможности потерпевшего нереализуемы на практике. Например, в ч. 2 ст. 86 УПК РФ, предоставляющей ему право собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, не учитываются особенности процесса доказывания в уголовном процессе (в частности, необходимость соответствия каждого доказательства свойствам относимости, допустимости и достоверности). Потерпевший, не являясь специалистом в области права, не знает и не должен знать всех тонкостей процесса собирания, закрепления и оценки доказательств. Как следствие, выступать субъектом получения доказательств он не может². Иными словами, потерпевший по объективным причинам не является активным участником уголовного судопроизводства.

На первый взгляд такое скромное положение лиц, пострадавших от преступлений, на фоне других участников процесса кажется несправедливым. Даже тот перечень процессуальных возможностей, который предоставлен им законом, оказывается фикцией. Но так ли важно для потерпевшего принимать непосредственное участие в уголовном преследовании?

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (утв. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) делает акцент на доступе потерпевшего к механизмам правосудия и скорейшей компенсации за нанесенный ущерб (ст. 6). Интересно, что ст. 52 Конституции РФ почти дословно повторяет текст Декларации. Очевидно, что внимание как международного права, так и национального законодательства направлено на потерпевшего, точнее на компенсацию причиненного ему вреда, а вовсе не на то место, которое он занимает в ходе той или иной процедуры.

Считается, что, когда преступник установлен, а приговор в отношении него вынесен, производство по конкретному уголовному делу можно завершать и переходить к рассмотрению следующего. Однако установление лица, совершившего преступление, – лишь начало процедуры восстановления прав и законных интересов потерпевшего.

Естественно, это не значит, что потерпевший получает возможность неограниченного влияния на судьбу преступника. Как указал Конституционный Суд РФ в п. 4 постановления от 24 апреля 2003 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положения пункта 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец, «обязанность государства обеспечить восстановление прав потерпевшего от преступления не обу-

¹ Уголовный процесс: учеб. / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М.: Инфотропик, 2016.

² Балакшин В. С. К вопросу о понятии и содержании получения доказательств в уголовном процессе // Правоведение. 2014. № 1. С. 158.

словливает наделение его правом предопределять необходимость осуществления предполагающего вынесение приговора уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности, – такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений может принадлежать только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов».

Трудно спорить с мнением судей Конституционного Суда РФ в части исключительно публичного характера уголовно-правовых отношений и необходимости их государственного регулирования. Однако если государство возложило на себя обязанность по осуществлению правосудия в полном объеме, ему придется озаботиться не только вопросом наказания виновного лица, но и вопросом уголовно-процессуальной реституции.

Большинство авторов под уголовно-процессуальной реституцией понимают восстановление материального положения лица, пострадавшего от преступления, «посредством возвращения ему в порядке, указанном в законе, утраченных в процессе совершения общественно опасного деяния вещественных доказательств, а при необходимости путем возвращения предметов такого же рода, качества или уплаты их стоимости»¹. Между тем понятие уголовно-процессуальной реституции можно распространить не только на преступления против собственности, но и на любые другие категории преступлений. Очевидно, что не по всем уголовным делам возможен «возврат к первоначальному положению» (от лат. *restitutio* – «восстановление»), но государство в лице своих органов должно стремиться к максимально полному удовлетворению интересов потерпевшего после совершенного в отношении него противоправного деяния.

За последние сто лет внимание государства заметно сместилось с потерпевшего на обвиняемого (подозреваемого, подсудимого). Скорее всего, это связано с принятием таких международных документов, как Всеобщая декларация прав человека (1948), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966). Все они делают акцент на недопустимости умаления прав лиц, признанных подозреваемыми, обвиняемыми.

Поскольку сегодня мы можем наблюдать гуманизацию уголовного судопроизводства (которую ряд авторов возводит в ранг принципов регулирования российского правосудия), существует необходимость внедрения в российский уголовный процесс таких процедур, которые смогут учесть интересы и той и другой стороны². В частности, давно обсуждается вопрос о возможности имплементации в отечественный уголовный процесс института медиации. И единственная причина, по которой медиация до сих пор не применяется, – невозможность ее практической реализации в том виде, в котором она существует в зарубежных государствах и в России (в рамках гражданского процесса).

Роль государства в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях в России слишком велика, чтобы превратить систему правосудия в элемент рыночных отношений. И это нельзя считать недостатком. Другой вопрос: можно ли использовать медиацию в целях реализации дифференцированного подхода к рассмотрению уголовных дел (в зависимости от возраста обвиняемого, категории преступления, степени вреда, причиненного потерпевшему, и т. д.)? Если медиация поможет облегчить жизнь потерпевшего после его невольного участия в уголовно-процессуальных мероприятиях, то она однозначно необходима.

В существующем сегодня понимании категория «медиация» не вписывается в рамки уголовного процесса. Например, в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» процедура медиации означает способ урегулирования споров, хотя в контексте уголовного судопроизводства речь не может идти о споре в его общепринятом понимании (как словесном состязании, в котором каждый отстаи-

¹ Понарин В. Я. Уголовно-процессуальная реституция // Правоведение. 1988. № 1. С. 47.

² Кашепов В. П. Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 101–112.

вает свое мнение). В научной литературе часто медиацию понимают как метод внесудебного разрешения уголовно-правового конфликта сторон¹. Но в уголовно-процессуальном смысле нельзя вести речь о конфликте (как о серьезном разногласии). Предполагается, что на момент обсуждения и разработки уголовно-процессуального медиативного соглашения «спора» или «конфликта» быть не должно. То есть вопросы, касающиеся надлежащей квалификации содеянного и признания лицом своей вины, должны разрешаться заранее и при участии сотрудников следственных органов, а не медиатора.

Процедуру медиации в уголовном процессе ассоциируют с такой же процедурой в процессе гражданском, где она является альтернативной. В уголовном судопроизводстве «альтернативных» процедур априори быть не должно – УПК РФ уже содержит единую процедуру производства по уголовным делам (включающую досудебные и судебные стадии). И если служить альтернативой судебным стадиям медиация еще могла бы, то заменить досудебное производство она неспособна.

Говоря о медиации непосредственно в уголовном процессе, важно понимать, что совершенное противоправное деяние прежде всего должно быть правильно квалифицировано (как минимум, определено как преступление, а не деликт или административное правонарушение). Затем уже для целей будущего медиативного соглашения должно быть установлено лицо, совершившее преступление. Единственный доступный сегодня способ такой квалификации – обращение к органам предварительного расследования, которые при соблюдении всех процедур и надлежащем оформлении процессуальных документов запустят механизм уголовного преследования.

Однако некоторые авторы считают, что переговоры сторон должны проводиться вне уголовного судопроизводства и без контроля правоприменителя (поскольку это больше соответствует сути медиации)². Здесь важно подчеркнуть, что в данной работе мы рассматриваем медиацию не в общепринятом значении, которое, как было показано выше, не вписывается в рамки уголовного процесса, а скорее как один из способов возмещения вреда потерпевшему.

В научной литературе есть мнение, согласно которому медиация может применяться до возбуждения уголовного дела как альтернатива уголовному преследованию³. Такой вариант может быть выгоден обеим сторонам при совпадении их интересов. Однако в этом случае речь не идет о медиации в уголовном процессе по той причине, что уголовное судопроизводство отличают следование закрепленной в законе процедуре, наличие процессуально оформленного статуса участников. В описанной ситуации отсутствуют стороны как таковые, их статус не определен и ответственность тоже, а значит, нет и гарантий исполнения «соглашения». По большому счету медиация до возбуждения уголовного дела существовала всегда в форме «неофициальных попыток договориться».

Недостатки медиации до возбуждения уголовного дела очевидны: нет организаций для проведения процедур такого рода и соответствующих специалистов (медиаторов, компетентных в вопросах уголовного и уголовно-процессуального права), нет возможностей для надлежащей квалификации совершенного деяния и установления лица, реально его совершившего, отсутствуют форма медиативного соглашения и гарантии его реализации.

Что касается медиации в ходе уголовного производства, то она может применяться после прохождения досудебных стадий, в процессе или вместо судебных стадий.

На досудебных стадиях после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела (соответственно, уже на стадии предварительного расследования) следователь может разъяснить сторонам их право на участие в процедуре медиации. Если обе стороны согласны, то они при участии медиатора заключают медиативное со-

¹ Гуськова А. П. Обеспечительные меры прав потерпевшего посредством восстановительного уголовного правосудия // Материалы Международной ассоциации содействия правосудию. Уголовная юстиция: связь времен. 2010. 5 сен. URL: <https://www.iuaj.net/node/415> (дата обращения: 09.07.2020).

² Давлетов А. А., Братчиков Д. А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 168–179.

³ Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 89.

глашение. В зависимости от категории преступления (небольшой, средней степени тяжести, тяжкое или особо тяжкое) уголовное преследование либо прекращается (не доходя до судебных стадий), либо продолжается, но уже с учетом заключенного соглашения. Допустим, если совершено преступление небольшой или средней степени тяжести, уголовное преследование в отношении лица завершается заключением соглашения (а не вынесением приговора). Гарантией исполнения такого соглашения может стать угроза возобновления уголовного преследования в отношении виновного лица в общем порядке. Если совершается тяжкое или особо тяжкое преступление, можно заключить соглашение, которое выступит смягчающим обстоятельством (и, как следствие, повлияет на вид и размер наказания).

Естественно, законодатель может исходить не только из тяжести преступления, но и из формы вины (умышленная или неосторожная), возраста преступника (несовершеннолетний), совершения преступления впервые или учитывать все эти факторы одновременно.

Основной акцент необходимо сделать на результате заключения соглашения – возмещении вреда потерпевшему. Это может быть как единовременная выплата, так и регулярная (наподобие алиментов). Форма выплаты зависит от конкретных целей. Например, если преступление было направлено против здоровья личности, то целесообразно назначение регулярных выплат до момента полного восстановления больного по заключению врача (или специально созданной для этих целей врачебной комиссии). В целом все, что касается реабилитации, должно обеспечиваться регулярными выплатами, а не единоразовыми, поскольку ни один специалист не даст гарантии, что состояние человека не ухудшится, а негативные последствия не проявятся позже. Поэтому есть смысл в применении института алиментных обязательств. Виновное лицо в течение определенного соглашения периода будет выплачивать потерпевшему четверть, треть или половину своего заработка. Такая мера может оказать, среди прочего, воспитательное воздействие.

Что касается злоупотреблений, связанных с институтом медиации, то они возможны с обеих сторон. Для лица, совершившего преступление, несомненно, выгоднее выплатить отступное, нежели понести традиционное наказание и получить судимость. Во избежание возникновения у преступника иллюзии безнаказанности требуется введение некоторых ограничений (например, касающихся количества соглашений, заключенных одним и тем же лицом). Потерпевший в свою очередь должен осознавать, что размер возмещения будет соответствовать тяжести причиненного ему вреда. Собственно, для этих целей и нужен медиатор (незаинтересованное лицо, способное оценить ущерб).

Если институт медиации будет воспринят законодателем, то подготовке медиаторов придется уделить отдельное внимание. Кроме того, для обсуждения условий соглашения могут понадобиться эксперты и специалисты. Статус этих участников в уголовно-процессуальном законодательстве уже определен, что, безусловно, способствует внедрению института медиации в уголовное судопроизводство.

Разумеется, в связи с введением нового института возникнет ряд вопросов как организационного, так и морально-нравственного характера. И если организационные моменты можно решить, ориентируясь на опыт других государств, то сменить карательную модель правосудия на восстановительную в разы сложнее¹.

Важно также понимать, что виновный может не согласиться на участие в процедуре медиации или не иметь возможности возместить потерпевшему причиненный ущерб. Однако государство не должно допустить, чтобы пострадавшее лицо осталось один на один со своими трудностями. Для таких ситуаций необходимо создать специальный фонд поддержки лиц, пострадавших от преступлений. Эта идея не нова – подобный фонд существует в США (Федеральный фонд помощи жертвам преступлений, созданный на основе Закона о жертвах преступлений 1984 г.)². Решение вопросов о том, будет ли это полное или частичное возмещение вреда, единоразо-

¹ Кульман А., Кури Х. Восстановительное правосудие как альтернатива уголовным наказаниям – уроки истории // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 4. С. 126–148.

² Юношев С. В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2. С. 212–219.

вая или регулярная выплата, зависит от «щедрости» законодателя и обстоятельств конкретного дела.

Напомним также, что в России уже давно действует Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», только касается он не возмещения вреда, причиненного преступлением, а возмещения вреда, полученного в связи с участием в уголовном процессе. Во исполнение указанного Закона принято постановление Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. № 664 «Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты», в соответствии с которым «защищаемому лицу выплачивается единовременное пособие в случае причинения ему в связи с его участием в уголовном судопроизводстве в зависимости от степени тяжести телесного повреждения или иного вреда его здоровью, не повлекших за собой наступление инвалидности:

- тяжелой степени – в размере 20 тысяч рублей;
- средней степени – в размере 15 тысяч рублей;
- легкой степени – в размере 10 тысяч рублей».

Подобные государственные выплаты можно предусмотреть и для лиц, признанных потерпевшими, но не получившими возмещение от виновных. В результате институт медиации будет обеспечивать права потерпевших силами и средствами обвиняемых, а фонд поддержки лиц, пострадавших от преступлений (или соответствующий федеральный закон), – силами и средствами государства.

Список литературы

Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 200 с.

Балакшин В. С. К вопросу о понятии и содержании получения доказательств в уголовном процессе // Правоведение. 2014. № 1. С. 146–161.

Гуськова А. П. Обеспечительные меры прав потерпевшего посредством восстановительного уголовного правосудия // Материалы Международной ассоциации содействия правосудию. Уголовная юстиция: связь времен. 2010. 5 сен. URL: <https://www.iuaj.net/node/415> (дата обращения: 09.07.2020).

Давлетов А. А., Братчиков Д. А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 168–179.

Кашепов В. П. Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 101–112.

Кульман А., Кури Х. Восстановительное правосудие как альтернатива уголовным наказаниям – уроки истории // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 4. С. 126–148.

Понарин В. Я. Уголовно-процессуальная реституция // Правоведение. 1988. № 1. С. 43–47.

Уголовный процесс: учеб. / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М.: Инфотропик, 2016. 912 с.

Юношев С. В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2. С. 212–219.

References

Arutyunyan A. A. (2013) *Mediatsiya v ugovolnom protsesse* [Mediation in the criminal trial]. Moscow, 200 p.

Balakshin V. S. (2014) K voprosu o ponyatii i soderzhanii polucheniya dokazatel'stv v ugovolnom protsesse [To the concept and content of the procedure of taking evidence in the criminal trial]. In *Pravovedenie*, no. 1, pp. 146–161.

Davletov A. A., Bratchikov D. A. (2014) Problema primeneniya mediatsii v ugovolnom protsesse Rossii [The issue of the application of mediation in the criminal trial of Russia]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 5, pp. 168–179.

Gus'kova A. P. (2010) Obespechitel'nye mery prav poterpevshego posredstvom vosstanovitel'nogo ugovolnogo pravosudiya [Interim measures of the victim's rights through restorative criminal justice]. In *International Union of Assistance of Justice. Ugolovnaya yustitsiya: svyaz' vremen*, 5 Sept., available at: <https://www.iuaj.net/node/415> (accessed: 09.07.2020).

Kashepov V. P. (2015) Gumanizatsiya ugovolnogo sudoproizvodstva kak printsip regulirovaniya rossiiskogo pravosudiya [Humanization of criminal proceedings system as an important factor to regulate justice in Russia]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 12, pp. 101–112.

Kul'man A., Kuri Kh. (2016) Vosstanovitel'noe pravosudie kak al'ternativa ugovnym nakazaniyam – uroki istorii [Restorative justice as an alternative to penal punishment – experiences from history]. In *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, no 4, pp. 126–148.

Ponarin V. Ya. (1988) Ugolovno-protsessual'naya restitutsiya [Criminal procedural restitution]. In *Pravovedenie*, no. 1, pp. 43–47.

Proshlyakova A. D., Balakshina V. S., Kozubenko Yu. V. (Ed.) (2016) *Ugovnyi protsess* [Criminal procedure]. Moscow, 912 p.

Yunoshev S. V. (2014) Gosudarstvennye kompensatsii zhertvam prestuplenii: zarubezhnyi opyt i rossiiskie perspektivy [State compensation for the victims of crime: international experience and russian perspectives]. In *Vestnik SamGU*, no. 11/2, pp. 212–219.